Технофобия и представления о городе жителей экопоселений Тульской области

Елена Юрьевна Коровина [1]

✉ alien_lk@list.ru

[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Коровина, Е. Ю. (2020). Технофобия и представления о городе жителей экопоселений Тульской области. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 59–75. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-59-75.

В статье рассматривается комплекс представлений жителей экопоселений Тульской области о современных технологиях. Технофобия для исследуемой группы становится ключевым фактором формирования жизненных стратегий. До тех пор, пока нынешние экопоселенцы жили в городе, страх современных технологий провоцировал на телесном уровне появление культурно обусловленных недомоганий, которые также можно рассматривать как соматизированную тревогу. Телесное ощущение вреда от технологий и расценивание их как опасного явления стали ключевыми факторами в принятии решения о переезде из города в экопоселение. С точки зрения экопоселенцев, технически перегруженная городская среда не дает возможности контактировать с артефактами современных технологий в той мере, в какой это безопасно для человека.

Информанты стремятся избегать контакта с современными технологиями и особенно с гаджетами. Они боятся, что гаджеты могут повредить физическому и психическому здоровью, нравственному становлению детей, разрушить семьи и навредить окружающей природе.

Технофобия информантов сочетается с тем, что многие из них работают в сфере информационных технологий. Автор приходит к выводу, что множество современных технологических артефактов экопоселенцы воспринимают как знак-индекс города и негативных сторон жизни в нем. Прослеживается, как происходит смягчение негативного отношения к структурным модусам бытия, которые изначально отрицаются экопоселенцами при переезде, но затем воссоздаются как необходимость.

Ключевые слова: технофобия, экопоселения, информационные технологии, технологические артефакты, антиструктура, коммунитас

Выражаю глубокую признательность Ольге Борисовне Христофоровой за помощь в работе.

Technophobia and perceptions of the city shared by the settlers of an ecovillage in the Tula Region

Elena Yu. Korovina [1]

✉ alien_lk@list.ru

[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Korovina, E. (2020). Technophobia and perceptions of the city shared by the settlers of an ecovillage in the Tula Region. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 59–75. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-59-75.

This article explores the system of perceptions of modern technology shared by the settlers of an ecovillage in the Tula Region. Technophobia becomes a key factor in the formation of life strategies for the studied group. During the time when future eco settlers lived in the city, their fear of modern technologies provoked culturally conditioned physical ailments which could be considered a kind of somatized anxiety. The feeling of physical harm from technologies and the rational consideration of the latter as a harmful phenomenon became key factors in making the decision to move from the city to the ecovillage. From the viewpoint of the eco settlers, the technologically oversaturated urban environment does not allow them to limit contact with the artifacts of modern technologies to an extent considered healthy for a human being.
Informants strive to avoid contact with modern technologies and especially gadgets. They fear that gadgets might harm their physical and mental health and moral reasoning of their children, destroy their families and harm the environment.
The technophobia of the informants is combined with the fact that many of them work in the Information Technologies industry. The author concludes that the eco settlers consider many technological artifacts as an indexical sign of the city and the negatives aspects of living in it. The article traces the softening of negative attitudes towards the structural modes of being which are at first rejected by the eco settlers upon moving to an ecovillage but then are necessarily recreated.

Keywords: technophobia, ecovillages, information technologies, technological artifacts, antistructure, communitas

Введение

Повсеместно мы слышим о нарастающих экологических проблемах. Реакцией на это становится рост числа и численности инвайронменталистских[1] движений, одно из которых — экопоселенческое движение. Экопоселение — это поселение группы людей, единомышленников, уехавших из города ради создания и поддержания экологически чистого пространства для жизни. Главная цель экопоселенцев — это гармоничное сосуществование друг с другом и с природой, что, с разной частотой, включает в себя вегетарианство, антиконсьюмеризм, потребление

[1] «Инвайронментализм (от англ. environment — окружающая обстановка, среда) — 1. Общетеоретическая и мировоззренческая ориентация, в центре внимания которой находится взаимодействие общества и соц. образований со средой обитания. 2. Соц. движение за качество среды обитания, видящее назначение соц. системы в том, чтобы обеспечивать оптимальное функционирование экосистемы и предотвращать нарушения экологических процессов» [Энциклопедия 2019].

только органических продуктов, ответственное потребление природных ресурсов, стремление к экономической автономии и к самообеспечению.

В экопоселенческом движении в России отдельно выделяется направление, идеология которого строится вокруг серии книг Владимира Мегре «Звенящие кедры России». Это движение называет себя «анастасиевцы» или «анастасийцы» по имени главной героини этих книг — Анастасии, мифической отшельницы, жизнь которой должна стать примером для ее последователей. Она имеет сверхспособности — не мерзнуть, не нуждаться в пище, никогда не болеть и тому подобное. С точки зрения анастасийцев, все люди могли бы обладать такими способностями от рождения, но только Анастасия смогла их сохранить, потому что не испытывала на себе губительного воздействия технократической цивилизации. Также в этих книгах говорится о том, что каждая семья должна строить свое «родовое поместье» — это как минимум гектар земли, где создается «пространство любви» для того, чтобы воспитывать детей и жить в равенстве с природой, не возвышаясь над ней. Через такую жизнь человек творчески самореализуется.

И. А. Селезнева и А. Г. Селезнев, исследуя экопоселения Омской области, предлагают делить их на два типа. Первый — это те, которые основаны на возрождении или изобретении славянской языческой культуры (эмное название «славяно-ведической»); жителей второго типа экопоселений объединяет между собой их приверженность идеям движения «Звенящие кедры России» [Селезнев, Селезнева 2016]. Исследователи из группы ЦИРКОН тоже делят экопоселения на две большие категории — «собственно экопоселения» и родовые поместья. Эти авторы относят родовые поместья к идейным общинам, в то время как «собственно экопоселения» противопоставляются такой форме самоорганизации людей [Задорин и др. 2012: 4]. Существуют и другие типы классификаций, однако мы, будучи в поле, не смогли присвоить тем экопоселениям, которые мы исследовали, какие-либо типы, и такой задачи перед нами не стояло. В тех поселениях, в которых мы проводили исследования, все опрошенные нами жители говорили, что даже для принятия в сообщество не принципиально придерживаться идеологии какого-либо одного движения.

Большая часть материалов, на которых основывается статья, была собрана методом включенного наблюдения и серии глубинных интервью во время летней полевой практики с 11 по 29 июня 2018 года. Во время полевой работы я и наша исследовательская группа проживали в здании школы в экопоселении «Ясная слобода». Эта школа также является зданием для общественных мероприятий «Ясной слободы», которые мы могли наблюдать непосредственно. Немалая часть материала была собрана в процессе помощи экопоселенцам по хозяйству, это дало возможность включенно наблюдать их хозяйственную деятельность. Также мы посетили близлежащие экопоселения «Велесово», «Живая картина», «Красивая сказка», расположенный рядом туристический экопарк «Ясно поле». В «Ясной слободе» есть школа для детей, базирующаяся на методах вальдорфской педагогики, которая является частью учения «антропософия». Это мистически-религиозное учение, основанное в начале XX века Рудольфом Штайнером и состоящее из элементов христианской мистики, кабалистики, пифагорейства и немецкой натурфилософии, направленное на духовное развитие и познание скрытых возможностей человеческого разума. Соответственно, часть жителей «Ясной слободы» относится серьезно к антропософскому учению и старается максимально претворить его идеи в жизнь, во всех аспектах. Другая часть жителей ценит в этом учении

только вальдорфскую педагогику, его религиозно-мистические составляющие их мало интересуют. Некоторые из экопоселенцев воцерковлены в Православную церковь. Наконец, встречаются и люди, вовсе не интересующиеся никакими формализованными видами религии или мистики. Для них ценность жизни в экопоселении заключается в возможности больше времени проводить на природе, в более спокойном ритме и более близких отношениях с немногочисленными соседями, и именно «Ясная слобода» дает им такие возможности одновременно с получением их детьми официального среднего образования. При этом если спросить у жителей этого экопоселения про другие учения в рамках Нью-Эйдж, почти всегда они признают за ними некоторую долю истинности. Отношение к мифу об Анастасии также неоднозначно, никто из опрошенных информантов не отрицал прямо идей анастасийства.

В других посещенных нами экопоселениях информанты чаще говорили о себе, что придерживаются анастасийских взглядов, но и с антропософией все они были знакомы и не отрицали ее, так же признавали за ней возможность истинности, как и за многими другими религиозными течениями.

Экопоселениям во всем мире свойственна такая религиозно-идеологическая эклектичность [Андреева 2017: 92].

В процессе полевого исследования мы обнаружили, что вне зависимости от религиозной принадлежности жителей исследуемых нами поселений всем им свойственен технопессимизм, или технофобия[2], то есть страх перед техникой и развитием технологий. Стремясь избежать давления городской тотальности технологий, участники экопоселенческого движения решают покинуть большие города и переселиться в сельскую местность. Каковы бы ни были идеологические основания для объединения в новое сообщество, все информанты переезжали ради того, чтобы жить в менее структурированном пространстве природы и социума. На основании этого наблюдения анализ технофобии и антиурбанистских настроений среди экопоселенцев кажется наиболее целесообразным через концепцию «коммунитас», или «антиструктуры», Виктора Тернера. Стремление к «антиструктуре» красной нитью проходит через дискурсы всех типов поселений.

Краткая историческая справка

Являются ли технопессимистские настроения современных экопоселенцев специфическим ответом на сегодняшнее развитие техники? Если рассмотреть этот вопрос в исторической перспективе, то становится понятно, что нет. Такие настроения возникли достаточно давно. Уже в XVIII веке руссоисты призывали жить в гармонии с природой и критиковали достижения цивилизации, в начале XIX века луддиты устраивали погромы и ломали производственные машины, боясь, что те отнимут у них работу и средства к существованию.

Технофобия является одним из видов моральной паники. Существуют различные подходы к пониманию возникновения моральных паник. Первый подход был предложен Стэнли Коэном. Согласно его работам, моральная паника распространяется в обществе целенаправленно, конструируется заинтересованными в ней социальными агентами, например, различными

[2] Этот термин не имеет отношения к фобиям в понимании психологии. Под технофобиями в социогуманитарном знании понимается негативное отношение к технике, сведение всех социальных проблем к единственной причине — развитию техники.

видами элит [Архипова и др. 2018: 12, Мартинович 2016: 146]. Согласно второму подходу, моральная паника возникает как самостоятельная спонтанная реакция людей на социальный стресс, так называемая grassroots model [Goode, Ben-Yehuda 1994]. Именно таким образом, спонтанно и неорганизованно, на фоне большого социального стресса в России возникло экопоселенческое движение в конце 80-х — начале 90-х годов XX века [Задорин и др. 2014: 68].

Примеры таких форм самоорганизации людей встречались и раньше. Согласно внутреннему определению «Глобальной сети экопоселений» современные экологические поселения — это «идейные или традиционные общины, использующие практики местного участия для того, чтобы целостно интегрировать экологические, экономические, социальные и культурные аспекты устойчивого развития в целях восстановления социальной и природной среды» [Задорин и др. 2014: 65]. Общинные формы самоорганизации людей в отечественной истории возникали не раз. Больше всего общих черт у современного экопоселенческого движения и коммунитарного движения, возникшего в конце XIX века, также на фоне социального стресса и больших перемен. Сами участники экопоселенческого движения не вписывают свою инициативу в общий контекст отечественной истории, однако это не уменьшает сходств с их предшественниками.

Коммунитарное движение начало создаваться в России в последней четверти XIX века. Фоном для его оформления послужили приход капитализма и новых форм массового производства в Россию. Городская интеллигенция с самого начала индустриализации призывала, под разными лозунгами, к оставлению города и переезду на землю, на природу. Первая мировая война и социальные катаклизмы Революции всколыхнули в общественном сознании настроения антииндивидуализма и антикапитализма, а в связке с ними и настроения антиурбанизма и технопессимизма. Демонизация технологий, еще не полностью вошедших в повседневность обывателей, стала реакцией на милленаристские предчувствия, царящие в обществе. Не только среди строителей коммун, но повсеместно среди городских жителей образы техники становились воплощением зла. Рядовой московский житель в 1917 году так говорил о новых технологиях в своем дневнике:

> Я и раньше косился на засилие электричества, а теперь глубоко убежден, что оно не от Бога, а от дьявола. Все нервы, все извращения, все жульничество, все безверие, вся жестокосердность, вся безнравственность и вырождение людей — от этих проклятых звонков, хрипов, катастроф, миганий, смрада, гудков и чудес! [Аксенов 2019: 38]

А для участников коммунитарного движения, как и для современного экопоселенческого движения, страх перед современными технологиями явился ключевым фактором в изменении жизненной стратегии.

Идеология экопоселений

Перечисленные движения объединяет идеология «опрощения», которая характеризуется антиурбанизмом и технопессимизмом. Еще подобные сообщества относят к традиции примитивизма, для которой характерно противопоставление «естественного» и «искусственного», возведение «естественного» в идеал и приписывание опасных свойств всему «искусственному». В идеологиях таких движений термин «природа» отождествляется с добром [Ожиганова 2015: 264].

Выясняя, какие мотивы побудили наших информантов к переезду в сельскую местность, мы обнаружили, что особенное значение при принятии решения для экопоселенцев сыграл фактор взаимоотношений человека и городской среды, а точнее, человека и городской тотальности технологий.

Технологии и природа — это главная бинарная оппозиция, присутствующая в дискурсе экопоселенцев. С их точки зрения, тотальность технологий в современном мире наступает на природу, подчиняет ее. В том числе ту природу, которая есть в человеке. С точки зрения экопоселенцев, человек в целом больше природен, чем «культурен», хотя и культура является продолжением природы. Экопоселенцы воспринимают себя, людей и природу (растения, животных, живую природу в целом) на равных.

Для экопоселенцев существуют два идеальных полюса — природа и технологии. Разделив мир строго надвое, они вынуждены бежать от полюса чистого зла, отнимающего у них энергию, здоровье, счастье, к противоположному полюсу. Но поскольку разделение это умозрительное, идеальное, а реальность всегда состоит из гибридов[3], то они не только не достигают полюса счастья и здоровья, но и вынуждены испытывать неудовлетворение от неполноты воплощения этой идеи. Например, одна информантка нам рассказывала, что первое время после переезда в экопоселение они с семьей пытались полностью отказаться от использования электричества и любой техники. У них не было холодильника и долгое время им было это удобно — приготовленную пищу ели сразу, остальное хранили в холодное время года на улице, а летом в яме, вырытой в земле, где было прохладнее. Но когда началась сильная жара, температура в этой яме тоже поднялась, и еда начала портиться. Информантка с сожалением говорила нам о том, что им все-таки пришлось купить маленький холодильник, для самого необходимого:

> Есть такой прекрасный фильм — «Прекрасная зеленая» — который у нас тут все любят. И вот тут мы и хотели, даже без стиральных машинок, без холодильников, ну то есть попробовать зажить, так сказать... Ну мы попробовали пожить... когда было очень жарко, мы все-таки купили холодильник, маленький, подержанный, чтоб это был не вклад в технологии, а такое, ну, чуть-чуть попользоваться[4].

В представлении наших информантов человек здоров и счастлив в «естественном» состоянии; от природы человеку дается возможность быть здоровым и счастливым, современные же технологии отнимают у него здоровье, счастье и свободу.

Яркая дихотомия в дискурсе экопоселенцев заключается в противопоставлении «технического» и «природного», а не «природного» и «культурного», как можно было бы ожидать, отталкиваясь от того, что такое противопоставление более традиционно и естественно для западной модерной культуры [Дескола 2012]. Категория «культура» тоже присутствует в дискурсе, но ее положение нельзя назвать однозначным. Некоторые информанты противопоставляли «культуру» «цивилизации». «Культура» в их понимании — это то, что естественно для человека, а «цивилизация» — это уже гипертрофированная хищническая сила, ведущая к гибели живого.

[3] Говоря о гибридах, я имею в виду понимание Бруно Латура. В своем эссе он говорит о том, что объекты реальности всегда имеют смешанную природу, содержат в себе аспекты как природы, так и культуры, и ни один объект реальности не может быть воплощением только одного идеального полюса [Латур 2006].

[4] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 39 лет. Из Москвы. В прошлом фотограф, сейчас вальдорфский педагог.

> Друг мой ‹...› все бросил и уехал. Потому что цивилизация ведет в тупик. Понимаете? Раньше же народ жил в культуре, была культура. А сейчас цивилизация. А цивилизация разрушает все. И, получается, сейчас идет деградация, хотя нам говорят, что это мы продвигаемся куда-то. Но вы же сами видите даже, какие законы издаются в Думе, что ни закон, так народу все хуже, хуже и хуже[5].

Таким образом, можно сделать вывод, что, с точки зрения экопоселенцев, любая разрушительность — это неприродно. Техника разрушительна, она находится на противоположном полюсе от природы. Природа в представлении экопоселенцев — источник жизни. Что «живое», то одновременно и «природное». Техника в их представлении — это нечто мертвое. Например, они говорят, что гаджеты излучают «мертвую энергетику».

Современные технологии в быту

Мы спрашивали поселенцев об их отношении к строительным, энергетическим, аграрным и информационно-коммуникационным технологиям (далее — ИКТ). Особенно проблематичными для наших информантов являются ИКТ, о них они говорят чаще, видят в них больше негативных факторов, чем в других современных технологиях. Это множество, называемое информантами «современные технологии», включает в себя не все технологии, появившиеся недавно. В русском языке оба эти качества выражаются одним словом, но в английском есть два слова, которые точно определяют эту разницу — «contemporary» и «modern». Если словом «contemporary» обозначается то, что существует параллельно в одном и том же промежутке времени, то под «modern» подразумевается качественное отличие характеризуемого объекта от того, что было раньше. Проблематичны для экопоселенцев отношения именно с modern технологиями, при том, что среди contemporary есть технологии, полезные для человека и природы. Под «современными технологиями» подразумевается то, что сделано из синтетических материалов, что причиняет вред природе и человеку, его телу, нравственности и социальности, то, что в целом неэкологично.

Все экопоселенцы считают, что современные технологии в той или иной степени отрицательно влияют на здоровье. Они объясняют этот вред поразному, в зависимости от своих религиозных или научных воззрений. Но есть общие черты в описании самого вреда, причиняемого человеческому здоровью.

Самый популярный эпитет, который применяют экопоселенцы для описания вреда современных технологий — это «фон». Информанты считают, что бетон, который используется в большинстве городских построек, неэкологичен, он излучает радиацию, то есть «фонит». В городе невозможно спрятаться от «фона», потому что все панельные дома состоят из этого материала и, следовательно, имеют вредное излучение. О современных материалах тепло- и гидроизоляции (пеноплекс, пенофол, гидроизоляционные пленки и т. д.), широко распространенных в строительстве и позволяющих уменьшить стоимость готовой постройки и обеспечить ее долговечность и надежность, экопоселенцы также отзываются негативно, потому что из-за этих материалов дом «не дышит». Это выражение можно понимать и метафорически, и буквально — при использовании таких материалов необходимо дополнительно проектировать системы вентиляции,

[5] М., экопоселение «Велесово», около 65 лет. Из Москвы. В прошлом технолог швейного производства, занимался бизнесом, сейчас пенсионер.

иначе из-за неправильной циркуляции воздуха в доме поселятся грибок, плесень, будет скапливаться конденсат и т. д. Информанты говорили нам также, что эти материалы не стоит использовать в строительстве потому, что они выделяют вредные вещества — токсичные продукты распада, которые образуются в процессе разложения этих материалов и в процессе их взаимодействия с воздушной средой и с влагой. Иногда для описания этого явления респонденты тоже использовали слова «фонят», «излучают». К теме дыхания так же можно отнести высказывание одной информантки о том, что в городе люди опутаны проводами, как в коконе, и поэтому не могут дышать.

Иногда экопоселенцы используют современные технологии, когда это неизбежно, например, для работы или для утепления дома, многие носят современную одежду с примесью синтетических волокон. В таких случаях, когда использование этих технологий удобно и необходимо, информанты перестают их связывать с опасностью. Они могут оставаться все еще нечистыми, но нравственные характеристики пользователя очищают эти технологии.

> Вот даже как в книгах Анастасии пишется, она же там в летаргический сон на зиму она засыпала ‹...› Зимой она спит как бы, в берлоге, да. Ну, я говорю, вот так общаемся, кто с нашего поселения: «Ну не до такой степени, мы же выросли как бы в цивилизации, зачем мы будем уходить, тогда надо и лапти одевать, правильно? Как раньше ходили. Если есть какие-то возможности, быта такого не будет. Почему его нужно не использовать?» Я считаю, что можно, это нормально, да. Единственное что, самое главное, чтобы вот здесь [информант показывает пальцем на лоб] чистые мысли были. Вот это, вот самое главное, что дала Ан..., вот эти книги дают людям. Чтобы люди были, ну, духовно продвинутые, не зомбированные, почище, и помогали друг другу, и очищали. И пища чтоб была у них чистая, не убойная[6].

Пища «не убойная»

Продукты, выращенные или произведенные с применением современных технологий, тоже считаются вредными для здоровья, не приносящими пользы, вызывающими ожирение и зависимости. Особенно важно, чтобы животноводческая продукция была произведена экологично, то есть без применения современных животноводческих технологий. Экопоселенцы считают, что если животные выращены на больших производствах, то их мясо вредно, содержит, как они выражаются, вредные гормоны, которые будут влиять отрицательно на здоровье в целом, на репродуктивное здоровье, на психическое здоровье — такие продукты будут вызывать агрессию, депрессию, злобу и т. д. Продукция становится вредной потому, что животные живут в стесненных условиях, не могут двигаться так, как для них естественно, а потому и не могут развиваться, испытывают постоянные лишения, стрессы, деформации. Экопоселенцы считают, что животным на ферме живется плохо, в частности, их пугает техническое оснащение ферм, например, для коров дойка аппаратом — это больший стресс, чем ручная дойка, в которой присутствует еще и непосредственное общение животного с человеком.

[6] М., экопоселение «Велесово», около 65 лет. Из Москвы. В прошлом технолог швейного производства, занимался бизнесом, сейчас пенсионер.

Это похоже на страх перед дегуманизацией производства, но какой термин применить к исчезновению личности животного? «Деинтенционализация»? В любом случае, восприятие живого существа как функции от его продукции считается экопоселенцами неприемлемым. Они выступают за целостную ценность живых существ, в том числе и животных. Весь негативный опыт, который был приобретен животными за свою жизнь на ферме, при употреблении такой продукции в пищу передается человеку. К тому же, на больших производствах применяются животноводческие биотехнологии — животным вкалываются различные гормоны, стимуляторы роста, прививки, что опять-таки, с точки зрения экопоселенцев, причиняет вред здоровью животных и, соответственно, человека, который будет потом их есть.

Поселенцы предпочитают покупать мясо у местных знакомых им лично фермеров. При этом они доверяют последним, не спрашивают у них документов о прививках. Одна информантка сказала, что в мясе с фермы не может быть ничего опасного, ведь там животные живут в естественных условиях. Возможность случайных тяжелых заражений через мясо животных, не прошедших вакцинацию, не беспокоит экопоселенцев, этой темы в их дискурсе нет. Некоторые экопоселенцы держат кур, цыплят, коз. Кур и цыплят они не вакцинируют. Информантка, держащая козу, всячески откладывала ее прививку. Она не хотела этого делать, с ее точки зрения прививки — это вредно. Возможности заражения от невакцинированного животного она не придавала значения. Но все же эта информантка соглашалась с необходимостью сделать одну обязательную прививку, потому что от животного, не прошедшего вакцинацию, в дальнейшем нельзя будет продать потомство. Козу она завела ради того, чтобы получать от нее молоко, но не мясо. Она много разговаривает с этой козой, пускает ее в дом, когда холодно или когда идут сильные дожди (не на крыльцо, а в сам дом, где живут люди). В молоке от этой козы, согласно интервью, содержится «прана», или «первое дыхание», которое очень полезно для здоровья. Вообще, в продуктах, выращенных, с точки зрения информанта, естественным образом, содержится это полезное для человека «первое дыхание», например, оно есть в овощах и зелени, сорванных недавно с грядки[7]. Так же считают и другие экопоселенцы, но объясняют это разными способами. В целом все согласны в том, что выращенное самостоятельно и без применения современных агрохимических или биоинженерных технологий полезно, а то, что произведено с их применением — вредно.

Психологическая зависимость от техники

Довольно часто экопоселенцы говорят о том, что ИКТ вызывают психические зависимости. Особенно склонны, с их точки зрения, к зависимостям дети и подростки. Одна информантка нам рассказывала, как ее отец очень хотел побаловать ее сыновей после того, как она развелась с мужем, и наполнил их квартиру всевозможными гаджетами[8]. Сыновья тогда учились в средней школе. После того, как дома подключили интернет, дети начали допоздна засиживаться за компьютером, смотрели по ночам фильмы, начали пропускать школу. Информантка считала, что это вредит детям, но не могла на них повлиять педагогически. С ее точки зрения, у ее сыновей

[7] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 29 лет. Из Уфы. По образованию педагог раннего развития.

[8] Гаджет — небольшое информационно-коммуникационное устройство, например, планшет.

развилась зависимость: они не могли и не хотели ограничивать свое времяпрепровождение за компьютером. В итоге она бросила попытки их спасти от этой зависимости и уехала из их дома в городе в экопоселение, оставив старших детей вместе с дедушкой. Сейчас ее сыновья учатся на факультете информатики в МГТУ им. Баумана.

> Когда-то я развелась с мужем, старшие дети были в конце начальной школы ‹…› И мой папа стал очень активно помогать. И он так активно помогал, что он нас завалил, нашу маленькую квартиру, ‹…› телевизорами, компьютерами, там, программами, играми. Ну то есть сделал все, ну как мог старался. ‹…› В итоге папа мой все подключил, спас нашу семью, украсил жизнь [смеется], и они уже не смогли отключиться никак. ‹…› Всю ночь фильмы, в школу не встают[9].

Те функции, которые выполняют информационно-коммуникационные технологии, например, позволяют быстро посчитать что-нибудь или легко найти нужную информацию, не позволяют детям научиться выполнять эти операции самостоятельно. Поэтому эти технологии «дебилизируют» (этот термин применил информант)[10]. Они отнимают у детей возможность научиться выполнять эти простейшие логические операции, а потому отнимают и способность к их выполнению. Говоря об этом, информанты не раз ссылались на работы популярного психолога Андрея Курпатова и на придуманный им термин «цифровой дебилизм». Иногда он называет это же явление «информационная псевдодебильность». Когда экопоселенцы спрашивали меня, чем я занимаюсь, я ответила им, что меня интересует, как влияют технологии на людей. Один из поселенцев меня спросил: «А известен ли вам термин цифровой псевдодебилизм?»[11]. Я сказала, что нет, не слышала о таком, и тогда он дал мне почитать книгу Андрея Курпатова «Красная таблетка», где этот популярный психолог подробно описывает, что он подразумевает под «цифровым дебилизмом». В его концепции это состояние, когда человек проявляет признаки клинической дебильности, то есть у него ухудшаются память, внимание, появляются нарушения социализации и психологические зависимости, и все это потому, что человек использует много гаджетов и не в силах осмыслить все информационные потоки, идущие к нему [Курпатов 2018].

Взрослым людям использование гаджетов тоже может причинить вред, вызывая у них зависимость:

> С одной стороны, это полезная вещь, но с другой стороны, есть тонкое место, где технологии перестают быть инструментом, и сложно понять, где находится эта грань ‹…› Знаете, бывают такие дни, когда я могу десять серий не выключать. И я уже понимаю, что он меня (сайт youtube.com и сериалы на нем — Е. К.) делает… Иные дни я могу с этим бороться, а иные — не могу… Я понимаю, как, собственно, возникает зависимость[12].

Объясняя возникновение зависимостей от гаджетов через антропософские взгляды, информанты говорят о том, что в моменты, когда человек не может сам выключить компьютер, перестать смотреть сериал, к нему подключаются сущности из других технократических цивилизаций и поедают его душу. Именно из-за этого человек чувствует себя плохо после того, как долго проводит время за просмотром сериалов.

[9] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 39 лет. Из Москвы. В прошлом фотограф, сейчас вальдорфский педагог.

[10] М., экопоселение «Ясная слобода», 33 года. Из Уфы. По образованию инженер информационных систем.

[11] Он же.

[12] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 50 лет. Из Москвы. Вальдорфский педагог.

> Вот, дело в том, что, когда мы таким образом теряем себя (ну есть такие воззрения, да), что к нам в этот момент могут подключаться разные другие технократические цивилизации. То есть это не сам сериал, не сам компьютер ‹…› Они, допустим, в этот момент подключаются. Они великие антропологи. У них нет этой души, нет того, что есть у нас, и они хотят это познать. И он в этот момент подключается, и, ну как бы, кушает вот этого землянина, то есть что у него есть. Я часто после таких запоев чувствую опустошенность, как будто я вот всю себя куда-то, ну, куда-то сдала, куда-то отдала[13].

С точки зрения тех, кто придерживается антропософских взглядов, в человеческом существе есть ариманические силы, и есть люциферические. Они противостоят друг другу и борются в человеке. Ариманические силы — это рациональное и логическое, а люциферические силы отвечают за чувственность. Они должны находиться в равновесии между собой. Вред технологий сторонники антропософии объясняют гипертрофией ариманических сил, нарушением этого равновесия.

> Он все включает, выключает, у него все четко, все ровно. Человечное — оно же такое — ну сейчас хочу, сейчас не хочу, сейчас буду, сейчас не буду. ‹…› Это ариман, и все вот это — это его. Это один полюс. А другой полюс — это люцифер, который говорит «ой, значит, смотри, как хорошо, растеклись, вот все, ну как-нибудь это будет, не надо никаких целей, все, расслабились». А нормальный человек — он посередине[14].

Телесное переживание вреда от технологий

Все опрошенные нами экопоселенцы говорили о том, что после переезда в сельскую местность они совсем перестали болеть, начали себя хорошо чувствовать. Качество их жизни повысилось. Улучшение самочувствия они связывают с тем, что их перестала окружать технически перегруженная городская среда, и они могут трудиться в той мере, в какой считают это естественным для человека.

> Почему мы все-таки решили уйти из города? Потому что в принципе жить в городе, вот по всем, по всем показателям очень тяжело. Там нужно обязательно работать, или, если, допустим, мы пенсионеры, если не работаешь, то дряхнешь. Это первая причина. Вторая: отовсюду фонит, везде электричество, везде газы вот эти, выхлопные, и там всякие-всякие воздействия на человека, вот эти все вышки, и я вот, например, себя в городе очень плохо чувствую. Мы съездим в город, я скорее, скорее, скорее обратно сюда. Пусть тесно, пусть здесь как-то и тяжело, но скорее-скорее сюда[15].

Экопоселенцы, придерживающиеся анастасийских взглядов, говорят еще о том, что здоровье — это естественное состояние человека. Анастасия, главный персонаж анастасийской мифологии, никогда не болела, потому что была близка к природе. Человек тоже, если приблизится к природе, то станет здоров. Деревья вокруг, солнце, небо — все это дает здоровье, отдает энергию.

Различные артефакты современных технологий, наоборот, отнимают жизнь, забирают энергию или излучают «мертвую энергетику». Про этот круговорот энергии говорили информанты, придерживающиеся не только анастасийских взглядов, так выражались все.

[13] Она же.
[14] Она же.
[15] Ж., экопоселение «Велесово», около 60 лет. Из Москвы. Пенсионерка.

> Раньше люди жили ближе с природой и черпали силы от этого образа жизни. То есть сейчас, просто живя в городе, я это и по себе чувствую, и по окружающим, что люди слишком отходят от природы, сложнее становится. ‹…› Ну, получается, больше живут в искусственной среде, в антропогенной атмосфере, чем в естественной. [А искусственная среда не дает таких сил, как природа?] Ну, разумеется. Тут для меня это очевидно. Человек — это часть природы, так же как и любое другое живое существо, он живет во взаимодействии с природой. И чем ближе он к естественным условиям, тем лучше он себя чувствует, тем дольше он будет жить, тем он будет счастливее. А чем дальше он от природы, чем меньше его связь с землей, с растениями, с этими элементами, с первоосновой, тем, на мой взгляд, он будет жить в иллюзии, и ценности у него могут быть не совсем, как бы, правильными. Ну и к тому в городской среде на людей воздействуют разные факторы неблагоприятные, начиная от технических, заканчивая информационными, сейчас особенно. Поэтому часто люди просто преследуют не совсем свои цели, не то, что им хочется, а то, что им говорят, что нужно делать. И там много сил уходит на борьбу с этими факторами. По крайней мере, у нас вот много сил уходит в городе для того, чтобы просто защититься от воздействия среды[16].

Информанты говорили, что в городе люди болеют именно от воздействия технологических артефактов, которые повсеместно «фонят». Они тоже, когда жили в городе, постоянно болели.

Контакт с современными технологиями для экопоселенцев часто сопряжен со множеством неприятных телесных ощущений, которые нельзя отнести к проявлению некой болезни. Сами информанты тоже не относят эти ощущения к каким-то болезням. О современных технологиях строительства они говорят как о неестественных, о городской среде — как об агрессивной, опасной для детей и переупорядоченной. Эта переупорядоченность переживалась ими в городе на телесном уровне как травмирующая. Например, то, что в строительстве и планировании улиц, дворов, дорожек используются прямые линии и углы, по их опыту, заставляет их чувствовать себя скованными, несвободными в движении, заставляет их перемещаться по таким траекториям, по которым они не хотят двигаться и которые считают неестественными.

Информанты говорили, что телесно ощущают «ядовитость» городских строительных материалов, которые отравляют воздух. По их словам, они не могут дышать среди них, чувствуют, что задыхаются.

Использование гаджетов экопоселенцами переживается как травмирующее, оно причиняет боль, вызывает головокружения, гул в голове, они чувствуют, что задыхаются, испытывают боли в теле от работы за компьютером, испытывают усталость, несоизмеримую с приложенными усилиями.

> Ну, даже 10 минут, мне кажется, это так долго, у меня все болит, я как будто глохну, у меня какое-то эхо начинается от телефона[17].

Некоторые пытаются полностью отказаться от использования ИКТ из-за этой физической непереносимости.

> У меня не хватает силы, вот что-то найти, прочитать. У меня нет телефона, я его давно потеряла. Мне подарили другой, я и его потеряла… где-то в доме[18].

[16] М., экопоселение «Ясная слобода», около 35 лет. Из Москвы. Архитектор.

[17] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 36 лет. Из Москвы. Получила высшее образование в Московском авиационном институте, работала специалистом по информационной безопасности. Сейчас работает педагогом в вальдорфской школе.

[18] Ж., экопоселение «Ясная слобода», 39 лет. Из Москвы. В прошлом фотограф, сейчас вальдорфский педагог.

Моральная паника рассматривается исследователями как социальный феномен. Однако интересно отметить, что паника на телесном уровне выражается в усиленных симптомах соматизированной тревоги, а именно в усиленном сердцебиении, головокружении, обмороках и различных болевых реакциях [Менделевич 2014: 83]. Материал, собранный нами в экопоселениях, позволяет говорить, что технофобия является не только социальным феноменом. То, что многие экопоселенцы испытывают от использования артефактов современных технологий телесные страдания, подобные панике, позволяет, во-первых, вывести рассмотрение моральной паники на уровень субъективного телесного опыта, а во-вторых, говорить о ней как о явлении, которое может существовать в рамках медицинского дискурса. Технофобия для экопоселенцев — это не только представления, но еще и ощущения.

Трудовые стратегии

Большинство опрошенных нами экопоселенцев — работники интеллектуального труда. Многие из них профессионально развиваются в сфере информационных технологий. В экопоселениях живут разработчики программного обеспечения, менеджеры разработки, графические дизайнеры, архитекторы и т. д. Те, кто не занят в сфере информационных технологий, популяризируют свои услуги их посредством, например, бизнес-тренеры или тренеры йоги продают свои услуги через социальные сети. Использование гаджетов для работы, обучения, для исследования новых тем и познания в целом оценивается положительно. В таких случаях их можно использовать, особенно взрослым, но обязательно в контролируемых дозах.

Трудовые стратегии экопоселенцев характерны для информационного общества. Почти все они работают удаленно или эпизодично, высококвалифицированный интеллектуальный труд позволяет некоторым работать немного, а свободное время уделять семье, дому, себе. У них нет необходимости подстраиваться под городской образ жизни, столь ненавистный им, или же просто есть возможность избежать его. Они могут исполнять свои рабочие обязанности без личного присутствия в офисе или, например, без тяжелого физического рутинного труда. Уехав в экопоселение, они могут миновать все те неприятные ощущения, которые вызывает у них использование техники. Городские же условия предлагают для экопоселенцев не только некомфортные условия труда, но и некомфортные условия для всей жизни помимо работы, вред здоровью, разрушение семейных отношений и т. д.

Для этих людей городская жизнь является символом эксплуатации, технологическое как знак-индекс города, по принципу метонимии, тоже представляется им как символ подавления, подчинения, несвободы. Информанты говорили, что технологическое, которым полон город, их подчиняет, заставляет их двигаться, действовать не теми алгоритмами, которыми они хотели бы действовать сами. Если мы вспомним сейчас о том, что «технология» в переводе в греческого — это логос, воплощенный в ремесле, то технологическое, которое есть в городе, можно рассмотреть как логос Другого, который предопределяет поведение, действия, алгоритмы людей. Экопоселенцы, переехав, стремятся создать как можно больше своими руками. После переезда почти все они сами строят свои дома, что обусловлено, конечно, не только их желанием, но и экономическим положением. Но при этом они говорят, что это дарит им радость, или что приятно помочь соседу

строить его дом. Также они стремятся предметы своего повседневного обихода сделать максимально самостоятельно, например, сами шьют одежду, делают косметику, еду предпочитают вырастить/собрать самостоятельно либо купить у людей, которых они знают. Часто поселенцы говорят, что так они реализуют свою свободу, так они чувствуют себя свободно. Информанты утверждали, что им нравится это ощущение, самим создавать нечто, контролировать то, что создали, знать в мельчайших подробностях, как устроено созданное ими самими. Иначе говоря, в городе они испытывали тревогу от невозможности контролировать окружающую среду, предопределенную уже кем-то, и они избавились от этого чувства в экопоселении.

Социальные представления

С одной стороны, технологическое развитие позволяет экопоселенцам быть более свободными, организовывать свою жизнь автономным образом, а с другой, выступает для них символом подавления. Эта же двойственность присутствует в рассуждениях о социальной структуре экопоселенцев.

Переезжая, экопоселенцы стремятся к жизни, свободной от каких-либо структур, в том числе, например, и от социальных. Однако опыт совместной жизни на земле вынуждает их прибегнуть снова к созданию социальной структуры. Идея, с которой создается экопоселение, противоречит практике. Отношение информантов к социальным структурам противоречиво и неоднозначно, как и отношение к современной технике. Многие экопоселения пробуют сначала создать общества «абсолютного равенства», где ответственность берется ситуативно, но такие поселения затухают, люди из них разъезжаются, потому что не могут договориться, не могут построить объекты общего пользования (дороги, колодцы, общие дома). Можно сказать, что изначально экопоселенцы стремятся создать общество перманентной коммунитас. Виктор Тернер говорит, что коммунитас не могут существовать достаточно долго. Он объясняет это тем, что ресурсы неизбежно надо добывать трудом. «Мобилизовать ресурсы означает также мобилизовать людей. Это подразумевает социальную организацию с ее “целями” и “средствами” и необходимой “отсрочкой удовольствий”» [Тэрнер 1983: 205]. Бесструктурность является идеалом для экопоселенцев. Информанты говорили нам, что многие из них приезжали вначале с идеалистическими представлениями о жизни на земле, которые развеялись у них после первой же зимы. Экопоселенцы говорят, что нужны руководители, но они должны быть одобрены большинством, и это должны быть люди, способные управлять. Например, в «Живой картине» экопоселенец говорил об этом так:

> Мы тоже в эти игрушечки играли, когда у нас всего 15 семей было, у нас тоже было вече ‹…›. Никогда на Руси этого не было. Было вече, но оно состояло из кого? Из людей, которых выбирали народ. Вот умудренный опытом, старейшина, ему все доверяют. Таких было несколько. И вот они собирались, и у них было вече. Потому что они умницы и молодцы, они ерунду говорить не будут ‹…›. Знаете, как люди рассуждают здесь? «На нас давили в городе, мы приехали сюда не для того, чтобы на нас давили здесь. Здесь мы приехали на природу, мы хотим быть абсолютно свободны». Ребята, вы не сюда попали. Хутор, вы одни, вокруг лес и никого, и вы абсолютно свободны. А вы пришли в социум[19].

[19] М., экопоселение «Живая картина», около 55 лет. Из Москвы. В прошлом больше 10 лет имел крупный бизнес. Продал его и квартиру в Москве, сейчас живет на вырученные средства.

Если снова воспользоваться оптикой Тернера, то можно сказать, что экопоселенцы видят в современной технике и в современных технологиях некую структурообразующую сущность, которая оказывает на них давление в городе и от которой они спонтанно бегут в коммунитас. Коммунитас — это период становления и творчества для сообщества. Но поскольку коммунитас — временное состояние общества, своего рода «отдых от структуры», она не может существовать бесконечно.

Экопоселенцы вновь обращаются к структурным модусам бытия, но на этот раз они становятся сами их творцами. Они создают социальные структуры ради развития сообщества и одновременно начинают пользоваться техникой, которую тоже можно рассматривать как результат структурного творчества.

Испытывая необходимость добывать ресурсы для существования, экопоселенцы снова обращаются к технике, но только как к инструменту, некоторые из них даже создают эту технику. В этом положении они уже сами создают структуру, и это является для них приемлемым. Оказываясь в таком социальном положении, экопоселенцы уже рассматривают технику и современные технологии не как однозначно негативный и опасный феномен, но как инструмент, которым они могут произвольно управлять. Отношения между человеком и «техникой-как-инструментом» не представляются информантам опасными.

Заключение

Итак, переходя к выводам, мы видим, что появление технофобии у участников экопоселенческого движения не связано с собственно ростом технического развития. В своих повседневных практиках представители экопоселенческого движения активно пользуются техническими артефактами. Они применяют их для саморазвития и работы. Часто профессии информантов связаны не только с техникой, но и с ее созданием.

При этом в представлениях экопоселенцев современные технологические артефакты опасны и вредны. Технологическое, как знак-индекс города, связывается в представлениях экопоселенцев со всеми негативными аспектами жизни в городе, которые они испытывали.

Техника как структурирующая сущность воспринимается ими как подавление, но только в том случае, когда они не управляют ею и не создают ее сами. Отрицательный опыт взаимодействия с техникой у информантов случался, когда это взаимодействие было вынужденное и неизбежное или воспринималось именно таким.

Социальная отчужденность жизни в городе вызывала в информантах стремление к коммунитас — отрицанию социальной структуры, а переупорядоченность городской среды вызывала негативное отношение к технике как к индексу города и как структурирующей сущности. Но поскольку длительное существование коммунитас невозможно, т. к. это состояние преходяще, то экопоселенцы снова обращались к структурным модусам бытия, как в социальном плане, так и в отношениях между человеком и техникой. Но в этом случае они создают сами и на добровольных началах как социальные структуры, так и технические артефакты. Итак, мы видим, что представления экопоселенцев имеют технопессимистский характер, когда человек становится функцией от технологического развития. Когда же технологические артефакты становятся инструментом для блага человека, отношения человека и техники перестают быть проблематичными в представлениях экопоселенцев.

Литература

Аксенов, В. Б. (2019). Техника и ее фобические образы в повседневном сознании российских обывателей в 1914–1916 годах. *Петербургские славянские и балканские исследования*, *2019*(1), 38–52.

Андреева, Ю. О. (2017). *Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии Нью-Эйдж в современной России* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург.

Архипова, А. С., Волкова, М. Д., Кирзюк, А. А., Малая, Е. К., Радченко, Д. А., Югай, Е. Ф. (2018). *«Группы смерти»: от игры к моральной панике*. М.: РАНХиГС.

Дескола, Ф. (2012). *По ту сторону природы и культуры*. М.: НЛО.

Дюран, Д. (2010). *Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Задорин, И. В., Колесникова, Е. Ю, Мальцева, Д. В., Халкина, Е. В., Хомякова, А. П., Шубина, Л. В. (2012). *Экопоселение как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения*. М.: Циркон. Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf

Задорин, И. В., Мальцева, Д. В., Хомякова, А. П., Шубина, Л. В. (2014). Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее. *Лабиринт*, *2014*(2), 64–77.

Курпатов, А. В. (2018). *Красная таблетка.* М.: Капитал.

Латур, Б. (2006). *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Мартинович, В. А. (2016). «Моральная паника» в жизни общества и феномен нетрадиционной религиозности. *Христианское чтение, 2016(5)*, 145–166.

Менделевич, Е. Г. (2014). Соматизация тревожных расстройств в практике невролога: алгоритмы и подходы к дифференцированному лечению. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика, 2014*(4), 81–86.

Ожиганова, А. А. (2015). Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России»). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2015*(2), 262–286.

Селезнев, А. Г., Селезнева, И. А. (2016). Из города в лес: новые экопоселения как образ идеальных отношений с природой. *Культурологический журнал, 2016(4)*. Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/392.html

Тэрнер, В. (1983). *Символ и ритуал.* М.: Наука.

Энциклопедия социологии Antinazi. Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1202

Goode, E., Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, *20*(1), 149–171.

References

Aksenov, V. (2019). Technical devices and phobic images of those in the everyday consciousness of Russian laymen in 1914–1916. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2019*(1), 38–52. (In Russian).

Andreeva, Yu. (2017). *The projects of world transformation in the new religious movement "Anastasia": Anthropological aspects of the New Age religion in contemporary Russia* (Thesis for the degree of candidate of historical sciences). Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint-Petersburg. (In Russian).

Antinazi encyclopedia of sociology. *The Internet portal "Dictionaries and encyclopedias at Academic"*. Retrieved from https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1202 (In Russian).

Arhipova, A., Volkova, M., Kirzyuk, A., Malaya, E., Radchenko, D., Yugai, E. (2018). *The "groups of death": From a game to a moral panic*. Moscow: Ranepa. (In Russian).

Deskola, F. (2012). *Beyond nature and culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Dyuran, D. (2010). *Do-it-yourself communism: The image of agrarian communes in Soviet Russia*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Goode, E., Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, *20*(1), 149–171.

Kurpatov, A. (2018). *The red pill*. Moscow: Kapital. (In Russian).

Latur, B. (2006). *We have never been modern*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Martinovich, V. (2016). Moral panic in the life of a society as a phenomenon of non-traditional religiosity. *Christian Reading, 2016(5),* 145–166. (In Russian).

Mendelevich, E. (2014). Somatization of anxiety disorders in the practice of a neurologist: Algorithms and approaches to differentiated treatment. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics, 2014*(4), 81–86. (In Russian).

Ozhiganova, A. (2015). The children of the New Age: An utopian project of the Anastasia movement. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide, 2015*(2), 262–286. (In Russian).

Seleznev, A., Selezneva, I. (2016). From the city to the forest: New eco-settlements as an image of an ideal relationship with nature. *Journal of Cultural Research, 2016(4).* Retrieved from http://cr-journal.ru/rus/journals/392.html (In Russian).

Turner, V. (1983). *Symbol and ritual.* Moscow: Nauka. (In Russian).

Zadorin, I., Kolesnikova, E., Mal'ceva, D., Halkina, E., Homyakova, A., Shubina, L. (2012). *Eco-settlements as a form of internal emigration: Motivation and prospects for spreading.* Moscow: Zircon. Retrieved from http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf (In Russian).

Zadorin, I., Mal'tseva, D., Homyakova, A., Shubina, L. (2014). Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal emigration or deliberate transfer to the future. *Labyrinth, 2014*(2), 64–77. (In Russian).